

Коллин Клири

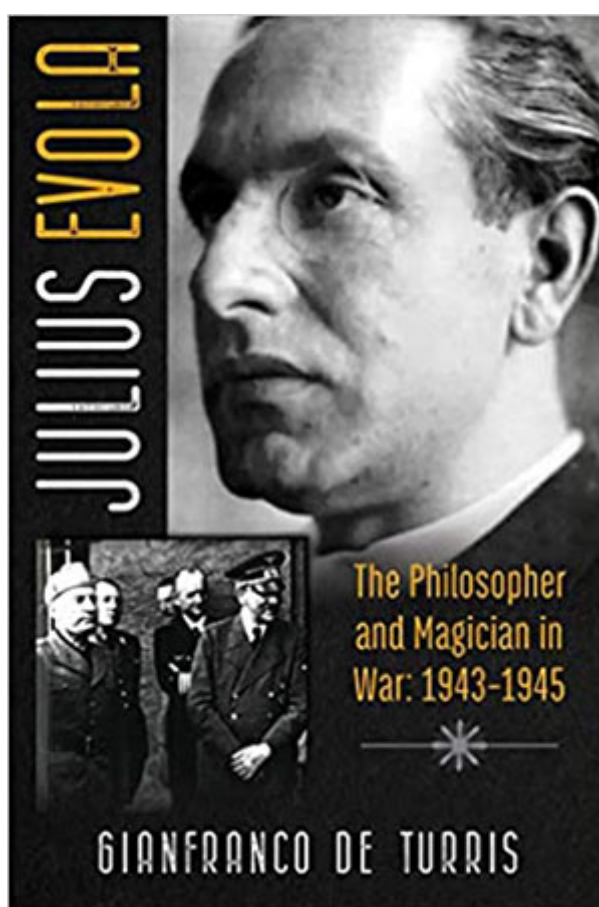
«Юлиус Эвола: философ и маг на войне: 1943-1945»

Рецензия на книгу: Gianfranco de Turris: *The Philosopher and Magician in War: 1943–1945*, Rochester, VT: Inner Traditions, 2020

Оригинал: Collin Cleary. Julius Evola: The Philosopher & Magician in War: 1943-1945

Источник: <https://www.counter-currents.com/2020/08/julius-evola-the-philosopher-and-magician-in-war-1943-1945/>

Перевод с английского, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Этот английский перевод книги «Julius Evola: Un filosofo in guerra 1943-1945» итальянца Джанфранко де Турриса появился как раз в нужное время, потому что он показывает нам, как великий человек справлялся как с крахом общества, так и с личной трагедией. Как следует из названия, книга фокусируется на деятельности Эволы в течение последних двух лет Второй мировой войны. Однако де Туррис значительно выходит за эти временные рамки, рассматривая многое из того, что произошло с Эволой уже после войны, примерно до 1950 года.

Основные цели де Турриса в этой работе – найти ответы на ряд загадок о деятельности Эвола в конце войны и в послевоенные годы, и ответить критикам этого философа. Потому что до сих пор так мало было известно об этих годах в жизни Эвола, они были объектом больших спекуляций, особенно со стороны враждебных левых писателей. Де Туррис раскрыл увлекательную новую информацию о деятельности Эвола и дал окончательные ответы на множество давних вопросов.

Книга начинается с эпизода, который, несомненно, будет в центре внимания большинства критических отзывов: путешествие Эвола в штаб-квартиру Гитлера в августе-сентябре 1943 года. По мере затягивания войны общественное мнение в Италии постепенно стало враждебным по отношению к Бенито Муссолини, особенно после того, как Рим был впервые разбомблен союзниками 19 июля. Несколько членов правительства выступили против Муссолини, и Дуче почувствовал себя вынужденным впервые с начала войны созвать Большой фашистский совет. Это оказалось ошибкой, ибо на заседании Совета было вынесено постановление о недоверии Муссолини, фактически давшее королю Виктору Эммануилу III полномочия уволить его. Муссолини, однако, вел себя так, как будто ничего важного не произошло. На следующий день он явился на аудиенцию в королевский дворец, готовясь рассказать королю о последних событиях. Вместо этого король арестовал Муссолини и заключил его в тюрьму в гостинице на горе Гран-Сассо, самой высокой вершине Апеннин.

История дерзкого спасения Муссолини (12 сентября) немецкими спецназовцами, прилетевшими на планерах, во главе с легендарным Отто Скорцени – один из самых известных эпизодов войны. Муссолини сразу же после освобождения вылетел в Мюнхен, а затем в штаб-квартиру Гитлера («Волчье логово») в Восточной Пруссии. Когда он прибыл туда 14 сентября, Юлиус Эвола уже пробыл там несколько дней. Философ входил в состав делегации, выбранной немцами, чтобы помочь посоветовать им, какой курс избрать в Италии. В состав делегации также входил сын Дуче, Витторио.

Их путешествие из Италии было предпринято со значительным риском. Самолёт, перевозивший Эволу, едва избежал перехвата самолётами союзников. После приземления Эвола и другие для маскировки провели часть своего путешествия в шапках и шинелях Войск СС. Как только философ прибыл в «Волчье логово», он и другие члены делегации были приняты Иоахимом фон Риббентропом, который сообщил им пожелание Гитлера, что «фашисты, которые остались верны своим убеждениям и Дуче, должны немедленно инициировать обращение к итальянскому народу, провозгласив конституцию конправительства, которое подтвердило бы лояльность Оси согласно своим обязательствам, сначала провозглашенным и затем не сдержанным королём» (цитата из рассказа Эвола, стр. 20).

Хотите верить, хотите нет, но это одна из менее интересных частей книги де Турриса. Гораздо интереснее то, что происходило с Эволой позже. Те, кто уже знакомы с деталями жизни Эволы, будут знать, что грядёт: его бегство из Рима, его ранение в Вене и его длительное выздоровление в годы, последовавшие сразу же за войной. Эта часть книги более интересна не только потому, что она заполняет множество пробелов в биографии Эволы, но и потому, что она раскрывает более «человеческую» сторону этого философа. Я приношу извинения, если это покажется несколько сентиментальным, чтобы говорить о таком человеке, как Эвола, но я не могу придумать никакой альтернативы.

Те, кто много читал Эволу, знают, что этот философ часто может казаться таким же отдаленным от всего, как вершины, на которые он поднимался в молодости. Однако в рассказе де Турриса мы находим Эволу, который изначально сокрушен и подавлен исходом войны и своим ранением. Он изо всех сил пытается понять, *почему* это произошло, и он пытается определить, какой должна быть его миссия в послевоенной ситуации. В конце концов он оказывается триумфатором. Но поучительно видеть не только то, *как именно* он преодолевает трудности в своей борьбе, но и то, что *он вообще борется*. В нашей нынешней ситуации, в которой западный мир (особенно США), кажется, несётся к гибели прямо у нас на глазах, пример Эволы дает нам силу. Мы видим, что даже Эвола, даже этот «дифференцированный тип» (если использовать его собственную терминологию) должен был бороться с невзгодами – но что он справился с ними.

4 июня 1944 года союзники захватили Рим. Одна из первых вещей, что сделали их агенты через несколько часов после вступления в город, они навестили Юлиуса Эволу. Разведка союзников узнала, что имя Эволы было в списке предполагаемых агентов возглавляемой Германией шпионско-диверсионной «сети для действий после оккупации» (его агентурный псевдоним был "Мария"). Они явились в квартиру Эволы, без сомнения, с намерением арестовать и допросить его. Однако пожилая мать Эволы задержала их у входа, пока философ незаметно выскользнул из боковой двери. Единственное, что он взял с собой, это небольшой чемодан, содержащий материалы, которые в будущем станут трехтомным «Введением в магию» («Introduzione alla magia»).

Затем Эвола отправился в долгий и трудный путь. Пешком он выбрался из города и настиг отступающие немецкие войска. Они дали ему приют, и в конце концов он оказался в Вене, где жил под вымышленным именем. Почему Эвола направился именно в Вену, было чем-то загадочным, и де Туррис тратит на этот вопрос много времени. Невероятно, но кажется, что Эвола отправился в Вену для проведения исследований масонства по просьбе СД (Sicherheitsdienst; «Служба безопасности СС»)! «Седьмое управление» СД занималось исследованиями масонства, и они не собирались прерывать свою работу ради такой мелочи как апокалипсис.

Позже Эвола рассказывал одному соратнику, что СД поручила ему «работу по очищению и «возвращению к истокам» масонских ритуалов, найденных во время войны немецкими войсками в различных странах» (стр. 158). Эвола не был точно уверен, почему СД была так заинтересована в этом. Если бы они отправили его на поиски Ковчега Завета, вряд ли это было бы более удивительно. В случае, если неочевидно, от чего пришлось «очищать» масонство, Эвола на самом деле даёт это понять в своей автобиографии «Путь киноvari» ('Il cammino del cinabro'): «Я описывал масонство как организацию, которая первоначально имела инициатический характер, но в последующем, параллельно со своей политизацией, перешла к следованию антитрадиционным влияниям, действуя в итоге в качестве одной из главных тайных подрывных сил еще до Французской революции, заодно с революцией Третьего государства [sic]». (Цитируется у де Турриса на стр. 159; английский переводчик имеет в виду не Третье государство (*State*), а «Третье сословие» (*Estate*), которое при французском Старом Режиме (*Ancien Régime*) составляли крестьяне и буржуазия. В русском переводе книги «Путь киноvari» правильно говорится именно о третьем сословии.).

21 января 1945 года Эвола решил прогуляться по улицам Вены как раз во время американской воздушной бомбардировки (а не советской бомбардировки, как иногда ошибочно утверждалось). Когда он находился в окрестностях площади Шварценбергплац, рядом упала бомба, отбросившая Эволу на несколько футов и оставившая его лежать без сознания. Его нашли и доставили в военный госпиталь. Когда философ очнулся несколько часов спустя, первое, что он сделал, это спросил, что стало с его моноклем. Как только врачи закончили его осматривать, новости оказались нехорошими. Было обнаружено, что Эвола имеет ушиб спинного мозга, который оставил его полностью парализованным ниже талии. По известному выражению Мирчи Элиаде, травма была примерно на уровне «третьей чакры». Это привело к тому, что Эвола был классифицирован как «стопроцентный инвалид войны», что обеспечило ему небольшую пенсию, которую он получал до конца жизни.

Почему же Эвола отправился гулять во время бомбежки? Элиаде ошибочно утверждал, что Эвола «пошёл сражаться на баррикадах против советского наступления на Вену» (стр. 128). Эвола сам даёт ответ, в неопубликованном до сих пор письме жене австрийского философа-консерватора Отмара Шпанна:

«... Я всегда бы бросал вызов судьбе, так сказать. Отсюда и происходят мои глупости на ледниках и горах: отсюда и принцип моей невнимательности или какой-либо озабоченности по поводу воздушных бомбардировок. И то же самое произошло, когда я был в Вене, когда ситуация обострилась до серьезной опасности... В конце концов ковровая бомбардировка застала меня на площади Шварценберга». [стр. 125]

Но когда Эвола вышел на улицу в тот роковой день, он ожидал, что его судьбой будет либо жизнь, либо смерть. Он вовсе не ожидал, что ему будет суждено прожить остаток своих дней калекой. Этот поворот событий, кажется, совершенно озадачил философа, и он изо всех сил пытался понять, почему это произошло с ним, и как раз в тот момент в его жизни. Положение осложнялось убеждением Эволы, высказанным им годами позже в «Пути киновари», что «нет такого значительного события в существовании, которого мы не хотели еще до рождения» (цитируется у де Турриса на стр. 169). («...наше существование не является ни случаем, ни чем-то иррациональным, ни даром Создателя – это следствие трансцендентального выбора, сделанного каждым до своего рождения, хотя для разных индивидов он может иметь разный смысл».)

В том же письме к Эрике Шпанн Эвола пишет: «Мне непонятно, в чем цель всего этого: у меня на самом деле была идея – вера, если вы хотите ее так назвать, наивная, – что человек либо умирает, либо вновь пробуждается. Смысл произошедшего со мной сбивает с толку: в нем нет ни одного, ни другого мотива» (стр. 170). Де Туррис ссылается на «непонимание и разочарование», которые пережил Эвола в результате «исхода и последствий войны» (стр. 54). Философ изо всех сил пытался понять катаклизм, охвативший Европу и уничтоживший фашизм и национал-социализм, в отношении которого он осторожно питал определенные надежды. Теперь, кроме того, он должен был понять, почему судьба решила навсегда искалечить этого западного *кшатрия*, этого человека действия. Трудно представить, какое душевное опустошение и внутренние потрясения пришлось пережить Эволе в годы, следовавшие сразу за войной. Снова цитируя его письмо фрау Шпанн: «В этом мире сегодня – в этом мире руин – мне нечего делать или искать. Даже если завтра всё волшебным образом вернётся на свои места, я был бы здесь без цели в жизни, пустой. Тем более в этом состоянии и в этой клинике» (стр. 199-200).

Эволу в итоге перевели в больницу в Бад-Ишле, где его лечили лучше. Де Туррис в достаточно мрачных красках рассказывает о различных операциях и методах лечения, используемых для лечения Эволы, в основном без успеха. Несмотря на его состояние, пока он находился в Бад-Ишле, Эвола на самом деле отправился в Будапешт, где пробыл пару месяцев, прежде чем вернулся в Австрию. Мало что известно о том, что Эвола делал в Будапеште или кто помог ему добраться туда (хотя теперь мы знаем адрес, по которому он жил). Де Туррис убедительно утверждает, что Эвола отправился туда лечиться у известного венгерского невролога Андраша Петё, который добивался некоторых успехов в лечении паралича с помощью нетрадиционных методов. К сожалению, и он не смог помочь Эволе.

С самого начала Эвола учитывал возможность того, что его паралич носит «экстрасенсорный» характер. Его воодушевлял в этой вере Рене Генон, с которым он продолжал переписываться со своей больничной койки в Бад-Ишле. Генон писал ему:

«Согласно тому, что вы мне говорите, казалось бы, то, что действительно мешает вам выздороветь, носит скорее экстрасенсорный характер, чем физический; если это так, то единственным решением, без сомнения, было бы вызвать обратную реакцию, которая исходит от вашего собственного Я... Кроме того, вовсе не невозможно, чтобы *что-то* могло воспользоваться возможностью, предоставленной телесным повреждением, чтобы действовать против вас; но совершенно непонятно, из-за кого и почему это могло произойти». [стр. 148]

На самом деле, кажется, было что-то загадочное в состоянии Эвола. В 1952 году его посетили в его квартире несколько соратников, в том числе антропософы Массимо Скалиджеро и Джованни Колацца. Во время этого визита мужчины видели, как Эвола двигал ногами – что-то, что, учитывая его паралич, должно было бы быть совершенно невозможным. Покинув дом Эвола, они, естественно, захотели обсудить увиденное. Поговаривали, что Колацца сказал Скалиджеро: «Конечно, он мог бы! Но он этого не делает! Он не хочет этого делать» (стр. 197).

Отложив эту тайну в сторону, Эвола, похоже, примирился со своим состоянием, напомнив себе, что, в конце концов, тело является лишь временным пристанищем для духа. В письме одному своему другу он заявляет, что «в отношении моей ситуации – даже если бы я должен был остаться навсегда таким, что не исключено, – в духовном отношении она не означает для меня ничего большего, чем если бы у моей машины спустило колесо» (стр. 168). Другой друг, католический священник, наивно предложил Эволе отправиться в Лурд в надежде на чудесное излечение в Святых Богородице. Эвола откликнулся с добротой и терпением, сказав: «Я уже говорил тебе, как мало это значит для меня... Прежде всего, не хватает основной предпосылки, которая заключается в горячем стремлении к исцелению. Если бы нужно было просить о милости, то было бы лучше понять духовный смысл того, почему это произошло – все равно, останется ли это так или нет; и, тем более, понять причину, почему мне следует продолжать жить» (стр. 168-69).

И со временем Эвола, кажется, пришел к какому-то пониманию того, почему судьба поступила с ним именно так, хотя он никогда не предавал гласности эти свои самые личные размышления. Накануне возвращения философа в Италию в августе 1948 года его врач в Бад-Ишле сообщил, что «общее состояние пациента значительно улучшилось в эти последние дни, первоначальные депрессии стали легче, вспыльчивость и проблемы взаимоотношений с обслуживающим персоналом и пациентами заметно уменьшились» (стр. 176). Действительно можно представить, что Эвола не был идеальным пациентом. Он писал Эрике Шпанн о *«зараженной духом атмосфере болезней этих пациентов»* (с. 193; курсив в оригинале).

Что, несомненно, подняло дух Эвола, так это то, что он, наконец, определил, что должно быть его послевоенной миссией. В «Пути киновари» он пишет, что:

«Эго движение в послевоенное время должно было принять форму партии, чтобы выполнить функцию, аналогичную функции Итальянского социального движения [MSI]: – однако с более решительной традиционной и правой ориентацией, без односторонних отсылок к фашизму, с точным отделением положительных сторон фашизма от отрицательных». [Цитируется у де Турриса на стр. 54]

По этому поводу де Туррис комментирует, что «вся его [послевоенная] издательская деятельность и проекты по написанию книг были конкретно ориентированы в этом направлении» (стр. 54). В 1949 году Эвола снова начал писать, первоначально под псевдонимом Артос («Arthos»). Он писал в постели, карандашом, с поставленным перед ним низким столиком, или пользовался пишущей машинкой, сидя за рабочим столом перед окном. Его французский биограф Жан-Поль Липпи называл его «неподвижным воином».

Примерно в это время Эвола узнал, что стал кумиром правой молодёжи в Италии. В сентябре 1950 года он выступил на Национальной молодёжной ассамблее Итальянского социального движения в Болонье. Включение Эвола в список выступающих, кажется, произошло в последнюю минуту. Организаторы услышали, что философ остановился в соседней больнице и нанесли ему импровизированный визит. Один из присутствующих волнующими словами описал то, что произошло дальше:

«Мы представились и пригласили его на собрание. Он сразу же согласился и выразил большой интерес. Он спросил нас, сможет ли он успеть только переодеться и побриться. Помню, из-за спешки у него был небольшой порез на щеке. Мы вынесли его на руках и посадили в немецкий военный грузовик. Когда он вошел в актовый зал, его тепло встретила наша группа, и поскольку Эвола был неизвестен мне как мыслитель, Энцо Эрра представил его как героического инвалида Итальянской социальной республики. На сцене, пока я его поддерживал, я заметил, что он был приятно удивлён и тронут приёмом, оказанным ему сотнями молодых людей. Он молча зафиксировал внимание и внимательно слушал различные выступления, и после собрания мы отвезли его обратно в больницу. Именно в тот момент у нас была идея попросить его написать брошюру, которая стала бы для нас инструкцией, и именно так родилась его книга «Orientamenti» («Ориентации»). На следующий день мы провожали его в небольшой горный отель на Апеннинах». [стр. 207]

Юлиус Эвола вернулся. В действительности некоторые из своих важнейших книг он написал как раз в послевоенные годы: «Люди и руины», «Метафизика секса», «Оседлать тигра», «Путь киновари», «Размышления о вершинах» и другие. Возможно, после войны он пользовался гораздо большим влиянием,

чем раньше. Обеспокоенные его влиянием на молодёжь, итальянские власти арестовали Эволу в мае 1951 года и отдали его под суд за «прославление фашизма». Он был оправдан – то, что было бы невообразимо в современном мире, учитывая его лишённую всяческого чувства иронии заботу о «социальной справедливости».

Эту книгу обязательно должны прочесть почитатели Эволы и исследователи традиционализма вообще. Её также должны прочитать и левые критики Эволы – хотя этого не случится, или, если они даже её и прочтут, то исказят и неправильно интерпретируют её содержание. Видите ли, де Туррис делает *слишком* тщательную работу по опровержению аргументов недоброжелателей Эволы. Кое-кому хотелось бы, чтобы он потратил немного меньше времени на полемический турнир с этими людьми, так как все они в результате этого выглядят как нечестные и поверхностные ничтожества. Тем не менее, я полагаю, что это необходимо. А «турнир» – как раз подходящий термин, так как де Туррис защищает своего наставника как настоящий рыцарь, смело, в лучшей традиции «аристократов души». Он научился у мастера, и в его голосе мы иногда слышим эхо слов самого Эволы. Де Туррис вполне компетентен, чтобы рассказать историю Эволы: он знал философа лично, и является распорядителем его недвижимости.

Среди прекрасных особенностей этого тома – два интересных приложения. Первое состоит из иллюстраций, некоторые из которых завораживают. Одна из иллюстраций – это фотография крышки сигарной коробки с автографами людей, присутствовавших в «Волчьем логове», включая Эволу, Витторио Муссолини и других. Второе приложение состоит из не опубликованных прежде переводов нескольких статей, написанных Эволой в 1943 году для «La Stampa», ежедневной газеты в Турине. Я завершу цитатой из одной из них, которая является не только пророческой, учитывая судьбу Эволы после 1943 года, но и особенно актуальна для той ситуации, в которой мы оказались сейчас:

«В любой день и даже в любой час человек может потерять свой дом из-за бомбардировки: то, что он любил больше всего, и к чему он был больше всего привязан, сам объект своих самых спонтанных чувств... Это стало откровенно ясно... как живой факт, сопровождаемый чувством освобождения: все разрушительное и трагическое может быть ценным для вдохновения. Речь идет не о чувствительности или о плохо понимаемом стоицизме. Наоборот: это вопрос познания и воспитания чувства отстраненности от себя, от людей и вещей, что должно вселять спокойное, бесподобное чувство безопасности и даже... непреклонность... Радикальный распад «буржуазного», которое существует в каждом человеке, возможен в эти разрушительные времена... [Чтобы] еще раз сделать более существенным и важным то, что всегда должно быть в нормальном существовании: отношения между жизнью и *большим, чем жизнь*... В эти

часы испытаний и скорбей открытие пути, где эти ценности переживаются позитивно и воплощаются в чистую силу для как можно большего числа людей, несомненно, является одной из главных задач политико-духовной *элиты* нашей нации». [стр. 261-62]

Библиотека Велесова Слобода, 2021 г.